

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2026-7-13>

УДК 316.772.5

Attribution

cc by

УГРОЗЫ И РИСКИ ВЛИЯНИЯ ЦИФРОВЫХ ПЛАТФОРМ НА МОЛОДЕЖЬ

Лушников Д.А., Долгополов К.А., Кузнецова О.Н.

Северо-Кавказский федеральный университет

Аннотация. В статье рассматриваются негативные аспекты влияния цифровых платформ на современную молодежь. Актуальность исследования обусловлена вызовом информационной войны, ведущейся против современного российского общества и ролью молодежи, в качестве одной из ее приоритетных целей. В результате исследования были классифицированы и рассмотрены риски и угрозы, которые несет для молодежи использование цифровых платформ: 1) информационные (контентные, алгоритмические, информационно-алгоритмические) риски и угрозы; 2) коммуникационные («контактные риски», «риски контакта»); 3) социальные (социально-психологические); 4) риски и угрозы вовлечения в нелегальные экстремистские, деструктивные социальные общности и группы; 5) риски и угрозы конфиденциальности. Сделан вывод о том, что эффективная борьба с угрозами и рисками влияния цифровых платформ на современную российскую молодежь требует комплексного подхода, междисциплинарного по своей методологической сути и многоуровневого по практической организации информационной селекции, профилактики и противодействия. Поэтому возникает необходимость объединения усилий первичных и институциональных агентов социализации – семьи, школы, специалистов по работе с молодежью, IT-индустрии и представителей самих цифровых платформ.

Ключевые слова: угрозы и риски, молодежь, цифровые платформы, киберпространство, искусственный интеллект, рекомендательные алгоритмы, радикализация, цифровая грамотность.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации № 1023112800142-3-5.4.1. «Технологии противодействия информационным войнам в молодежной среде» (FSRN-2024-0009).

Original article

THREATS AND RISKS OF THE IMPACT OF DIGITAL PLATFORMS ON YOUNG PEOPLE

Dmitry A. Lushnikov, Kirill A. Dolgoplov, Oksana N. Kuznetsova

North Caucasus Federal University

Abstract. The article examines the negative aspects of the impact of the use of digital platforms on modern youth. The relevance of the study is determined by the challenge of the information war waged against modern Russian society and the role of youth as one of its priority targets. As a result of the study, the risks and threats posed by the use of digital platforms for young people were classified and examined: 1) informational (content, algorithmic, information-algorithmic) risks and threats; 2) communication ("contact risks", "contact risks"); 3) social (social and psychological); 4) risks and threats of involvement in illegal extremist, destructive social communities and groups; 5) risks and threats to privacy. It is concluded that an effective fight against the threats and risks of the influence of digital platforms on modern Russian youth requires an integrated approach, interdisciplinary in its methodological essence and multi-level in the practical organization of information selection, prevention and counteraction. Therefore, there is a need to unite the efforts of primary and institutional agents of socialization – families, schools, youth workers, the IT industry, and representatives of the digital platforms themselves.

Keywords: threats and risks, youth, digital platforms, cyberspace, artificial intelligence, recommendation algorithms, radicalization, digital literacy.

Funding: The research was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation No. 1023112800142-3-5.4.1. «Technologies for countering information warfare among young people» (FSRN-2024-0009).

Введение.

Подростковый и юношеский возраст являются важными стадиями социализации и развития личности, поскольку именно в этот период формируются основы мировоззрения и социального поведения, ценностные ориентации и идентичность. Именно поэтому молодежь является одной из приоритетных ка-

тегорий психологического и информационно-пропагандистского воздействия со стороны организаторов и акторов информационных войн.

Первые десятилетия XXI века привели к «цифровому повороту» в способах коммуникации, информационной доступности, репрезентации и са-

морепрезентации личности, этот процесс стал возможен благодаря новым информационно-коммуникативным технологиям, приведшим к появлению и массовизации использования социальных сетей, мессенджеров, видеохостингов и т.п., объединенных понятием «цифровые платформы».

За несколько десятилетий выросли два поколения, взросление которых проходило и происходит в условиях полной диджитализации и погруженности в киберпространство. Цифровая среда, ее агенты и акторы стали играть роль не только агентов социализации, но и институтов социализации современной молодежи, формируя реляционные структуры, повседневные практики социального взаимодействия, обучения и досуговой деятельности.

Распространение и массовизация использования искусственного интеллекта в последние годы, детерминировали появление еще более новых агентов социализации – AI-агентов (чат-ботов, виртуальных компаньонов, ассистентов), формирующих более глубокий уровень социального взаимодействия с нечеловеческими сущностями и личностной привязанности к симулированной персонификации.

Хотя рассмотрение влияния AI-агентов на молодежь и не является задачей данного исследования, тем не менее, отметим, что это наиболее актуальная и наименее изученная проблема в современной социологии и социально-гуманитарном знании как таковом.

Обсуждение.

Диалектический аспект анализа влияния цифровых платформ на молодежь предполагает рассмотрение не только их положительных эффектов и преимуществ (к коим следует отнести доступность информации/знания, расширение социальных связей и вероятностных коммуникаций, изменение социальных отношений, возможности личностного развития и самовыражения), но и тех противоречий, проблем, рисков и угроз, которые они порождают.

Возникает вопрос о классификации данных рисков и угроз. К примеру, Я. В. Зубова и И. В. Липчанская, вслед за другими отечественными исследователями, делят их на три основные группы: информационные, коммуникационные и социальные [1].

Подобные классификации включают и ряд других видов, к примеру, «психологические риски/угрозы» или такой комбинированный вид, как «социально-психологические риски/угрозы».

Тем не менее, деление на данные виды является распространенным и устоявшимся в научной литературе.

Информационные риски и угрозы в западной литературе также интерпретируются как «алгоритмические» или «информационно-алгоритмические». Также выделяются риски и угрозы нарушения и утраты приватности и анонимности, использования личной информации и индивидуальных данных в коммерческих, мошеннических или экстремистских целях («риски/угрозы конфиденциальности»).

В эмпирическом исследовании Ш. Лю, Ю. Хуна и И. Хуана риски влияния цифровых платформ на сознание и поведение молодежи интерпретируются и операционализируются в следующие виды:

1) риски цифрового развития, отражают проблемы отчужденности молодого человека от реальности, ослабления связей с реальным миром в пользу киберпространства;

2) риски, связанные с цифровым контентом (или «контентные риски»), угрозы пассивного столкновения детей, подростков и молодежи с вредоносной для людей их возраста информацией;

3) риски цифрового взаимодействия (или «контактные риски», «риски контакта» в других исследованиях), негативное воздействие, которому подвергаются подростки и юноши в ходе онлайн-интеракций;

4) риски, связанные с цифровым поведением («поведенческие риски»), интерпретируемые как поведение детей в онлайн/офлайн-среде, которое может причинить вред другим или им самим [2].

Обобщая вышеупомянутые интерпретации и классификации, можно использовать следующую дифференциацию рисков и угроз, которые несет для молодежи использование цифровых платформ:

1) информационные (контентные, алгоритмические, информационно-алгоритмические) риски и угрозы – это столкновение в киберпространстве с негативным, нелегальным и дезинформирующим контентом, алгоритмическое усиление распространения деструктивного контента;

2) коммуникационные риски и угрозы («контактные риски», «риски контакта»), к ним относятся различные выражения агрессии в киберпространстве, в частности, такие «деструктивные интеракции», как кибербуллинг, хейт, киберсталкинг, флейминг и т.д.;

3) социальные (социально-психологические) риски и угрозы чаще возникают как следствия снижения эмпатии, когнитивных расстройств, депрессивных и тревожных состояний, обусловленных углублением цифровой зависимости и номофобии.

4) риски и угрозы вовлечения в нелегальные экстремистские, деструктивные социальные общности и группы, распространенные в последние годы методы вербовки молодежи с использованием алгоритмов;

5) риски/угрозы конфиденциальности, утрата приватности и анонимности, использования личной информации и индивидуальных данных в коммерческих, мошеннических, экстремистских и иных целях.

Информационно-алгоритмические риски и угрозы связаны с самой спецификой работы рекомендательных алгоритмов цифровых платформ, нацеленных на селекцию и таргетинг информации, усиливающих воздействие на сознание пользователя. Алгоритмы в силу своей цифровой механистической при-

роды создают эффекты «информационных пузырей» («filter bubbles») и «эхо-камер» («echo chambers»). То есть, с одной стороны, они позволяют находить необходимую и разнообразную информацию и, следовательно, предоставляют индивиду большую степень информационной свободы, но, с другой стороны, частота использования тех или иных запросов и попадание в массив больших данных активизирует алгоритмы таргетирования, выстраивающие вокруг пользователя комплиментарные каналы коммуникации и подбирающие определенную информацию.

Алгоритмические риски и угрозы связаны с поляризацией и информационной самоизоляцией индивидов и сообществ, они структурно усиливают идеологическую однородность и ограничивают разнообразие точек зрения.

Так, по мнению Р. Ш. Гилязова и Н. Ю. Мадьякиной: «Цифровая среда способствует поляризации мнений. Молодежь часто встречает информацию, которая усиливает ее предвзятость, и становится частью виртуальных пузырей, где люди обсуждают темы только с теми, кто разделяет их взгляды. В таких условиях значительно возрастает риск радикализации политических позиций, поскольку молодежь оказывается изолированной от других точек зрения» [3, с. 72].

Выполненный М. Ахмадом, К. Шахзадом и А. Икбалом по методологии PRISMA обзор и анализ трех десятков исследований влияния «информационных пузырей» и «эхо-камер» на молодежь за 2015-2025 гг., полностью подтвердил гипотезу о том, что алгоритмы цифровых платформ усиливают избирательность восприятия и детерминируют рост поляризации [4].

Результаты проведенного ими исследования выявили несколько устойчивых закономерностей:

- алгоритмы цифровых платформ структурно и последовательно усиливают культурную, политическую, идеологическую и др. однородности, укрепляют избирательность восприятия и ограничивают разнообразие точек зрения;

- несмотря на непрозрачность рекомендательных алгоритмических систем и различающуюся степень цифровой грамотности, молодежь демонстрирует определенный уровень информированности о специфике действия данных механизмов и использует адаптивные стратегии для навигации по алгоритмическим лентам;

- несмотря на определенные негативные следствия в виде поляризации, избирательности восприятия и ограничения разнообразия позиций, информационные пузыри и эхо-камеры имеют и очевидные позитивные следствия, и эффекты, поскольку одновременно являются и пространством для укрепления идентичности и культурной принадлежности.

К. Реегер, К. Шогнесси, М. Чжао и И. Камбазоглу исследуют роль рекомендательных алгоритмов для психического здоровья и социального благополучия молодежи.

Исходя из результатов проведенного ими исследования, ученые сформулировали несколько основных выводов:

- рекомендательные алгоритмы усиливают воздействие экстремистских идей и «вредных идеологий» на сознание молодежи, они подбирают каналы коммуникации и контент для эффекта эхо-камер и формируют вокруг индивида и/или сообщества информационные пузыри из комплиментарной информации;

- агрессивный и экстремистский контент проникает в сознание в развлекательном виде, что позволяет ему набирать большую популярность у пользователей цифровых платформ;

- алгоритмы работают на нормализацию экстремистских идей и «вредных идеологий»;

- изменение в сознании оказывает воздействие на поведение молодежи, их психическое здоровье и отношения в семье и со сверстниками [5]. В качестве рекомендаций ученые указывают на необходимость кардинальных изменений в подходах к цифровой грамотности, образованию и молодежной политике.

М. Гильберт, Д. Сингел, С. Л. Виджил и др. обратили внимание на свойства рекомендательных алгоритмов выявлять уязвимых детей и подростков и целенаправленно подбрасывать им дистрессовый контент. Было установлено, что алгоритмы цифровых платформ умеют быстро распознавать не только детей и подростков, которые указывают ложную информацию о своем возрасте в аккаунте, но и выявлять и дифференцировать их уязвимости [6]. К примеру, пользователи цифровых платформ, ведущие себя как дети в возрасте 8 лет, получают почти в семь раз больше контента, ориентированного на детей, чем 16-летние подростки. Алгоритмы реагируют на пользователей, которые ведут себя как проблемные и «страдающие» подростки, поэтому адаптация коммерческих предложений приводит к тому, что они получают более чем на 30% больше проблемного и более чем на 70% больше тревожного контента, чем их сверстники, не испытывающие проблем.

Результаты исследования поставили вопрос об ответственности создателей и собственников цифровых платформ за защиту несовершеннолетних в киберпространстве.

Помимо этого, ученые рекомендуют сформировать исследовательскую программу с привлечением представителей всех направлений работы с молодежью, которая бы занималась независимым аудитом алгоритмов и проблемой устранения пробелов, возникающих в результате автоматизированных процессов принятия решений.

Результаты.

Одним из самых распространенных видов коммуникационных рисков для молодежи, которые несет использование цифровых платформ, является онлайн-агрессия и ее наиболее распространенная форма – кибербуллинг.

Согласно данным социологического исследования «Поведение детей школьного возраста в отношении здоровья» (HBSC) Европейского регионального бюро ВОЗ, сегодня с кибербуллингом сталкивается каждый шестой школьник. В 2020-е годы растет количество детей и подростков, подвергающихся онлайн-агрессии и травле, с 11% до 14% среди мальчиков и с 7% до 9% среди девочек [7].

В России, по данным исследовательской группы «РБК Life», 57% пользователей цифровых платформ сталкивались с различными формами онлайн-агрессии, а около 47% школьников хотя бы раз становились жертвами травли в интернете [8].

По данным исследований Л. И. Лукашковой на 2020 год: «...Наиболее распространенными формами кибербуллинга, совершаемых в отношении подростков, размещение обидных, оскорбительных комментариев (6-е классы – 31 %, 7-е классы – 23 % и 8-е классы – 24 %) . Далее, по частоте встречаемости, следует распространение слухов и сплетен (6-е классы – 20 %, 7-е классы – 16 % и 8-е классы – 22 %) . От 8 % до 16 % учеников являлись свидетелями таких форм как удаление из группы, из «списка друзей», отказ в общении; размещение оскорбительного видео или фото; использование имени человека для рассылки негативной информации его знакомым; открытые угрозы физической расправы» [9, с . 452].

В отличие от офлайн-травли, кибербуллинг носит тотальный характер, поскольку не ограничен пространственно-временными границами. Легко достижимая анонимность субъекта травли в сети интернет провоцирует его негативное поведение, не сдерживаемое системой социального контроля. Онлайн-травля приводит к развитию тревожности и страхов, депрессивным состояниям и снижению самооценки. Наиболее распространенные чувства у жертв кибербуллинга, это раздражение и злость, чувство обиды, подавленность, тревога и страх.

Следует признать, что цифровые платформы предоставляют необходимые условия для организации онлайн-агрессии и кибербуллинга, однако и решение этой проблемы также имеет и аппаратно-технологический аспект.

В настоящее время, как в России, так и за рубежом, разрабатываются системы для автоматической модерации текстовых сообщений с целью интеграции их в социальные сети и мессенджеры (к примеру, AIMS (AI Moderation System)). Данные системы обучаются на массивах из разнонаправленных комментариев и акцентируются на семантике и контексте высказывания.

Коммуникационные риски тесно связаны с рисками и угрозами конфиденциальности, заключающимися в утрате пользователем приватности и анонимности, использовании личной информации и индивидуальных данных в коммерческих, мошеннических, экстремистских и иных целях. Цифровые платформы предоставляют как компаниям, так и киберпреступникам возможности для сбора данных, доступ

к молодежной аудитории, распространение рекламного и пропагандистского контента.

Социально-психологические риски для молодежи со стороны цифровых платформ являются следствиями цифровой зависимости и номофобии. Постоянное нахождение в сети («always-on») ведет к «цифровой перегрузке» («digital overload»), которая истощает когнитивные и психоэмоциональные ресурсы молодого человека, ведет к снижению эмпатии, когнитивным расстройствам, депрессивным и тревожным состояниям. Исследования влияния чрезмерного использования цифровых платформ выявляют их существенное влияние на психику и самооценку молодежи.

Как показывают данные исследований Д. А. Усика: «Выявлена значимая отрицательная корреляция между интенсивностью использования социальных сетей и самооценкой ($r = -0.31$, $p < 0.001$), а также положительная корреляция с уровнем тревожности ($r = 0.33$, $p < 0.001$) и депрессии ($r = 0.28$, $p < 0.001$). Обнаружена криволинейная зависимость между использованием социальных сетей и психологическим благополучием, где умеренное использование связано с наиболее позитивными результатами» [10, с.41].

Группа корейских ученых, во главе с К.-Х. Су пришли к выводам о комплексном воздействии цифровых платформ на социальное самочувствие и психику молодежи [11, с. 1844]. Индивидуально-личностные особенности и проблемы: заболевания, плохой сон, импульсивность, низкая самооценка сочетаются и накладываются на социальный контекст: неустойчивое или аутсайдерное положение в малой группе, давление со стороны сверстников, конфликты в семье и т.п.

Повседневные коммуникации в киберпространстве, формируемое рекомендательными алгоритмами, активизирует сравнение и рефлексии своего статуса и реляционной адекватности собственного исходящего и внешнего входящего контента. Возникают специфические тревожности и страхи несовпадения с реляционными структурами киберпространства: страх упустить что-то важное из контента; страх неодобрения собственной позиции со стороны других пользователей; страх упустить возможность коммуникации, рождающий навязчивую номофобию и др.

В настоящее время учеными выделяются два специфических расстройства:

1) «SMD» («Social Media Disorder»), связанное с использованием цифровых платформ, социальных сетей и мессенджеров;

2) «IGD» («Internet Gaming Disorder») - расстройство, связанное с использованием интернет-игр,

К примеру, Й. Трул, Д. Сахиб, Л. Клари и др. провели общенациональное исследование школьников в Саудовской Аравии и установили, что симптомы SMD среди старшеклассников доходят до 21%, а IGD – до 16%. Около трети подростков показали положительный результат по шкале одиночества, и бо-

более 40% – по шкале симптомов депрессии или тревожности [12].

Исследования нейрофизиологов и психологов фиксируют ряд негативных нейропсихологических последствий влияния цифровых платформ на современную молодежь: снижение концентрации внимания, ослабление импульсного контроля и изменения в работе мозга и т.д.

Важную прикладную значимость имеют исследования рисков и угроз вовлечения в нелегальные экстремистские, деструктивные социальные общности и группы. Наиболее актуальное значение данная проблема получила в последние годы, в условиях СВО на Украине, поскольку российское общество столкнулось как с «традиционными» сетевыми практиками и методами вербовки молодежи, так и с новыми цифровыми – с использованием алгоритмов и AI-агентов.

Проблема радикализации молодежи носит общемировой характер, к примеру, согласно «Глобальному индексу терроризма 2025» за 2020-2025 годы только ультраправый экстремизм вырос на 250% [13]. Однако применительно к нашей стране более актуальна не проблема радикализации молодежи, которая скорее демонстрирует политическую пассивность, доходящую до абсентеизма, а проблема вовлечения в деструктивные сообщества и вербовки для осуществления экстремистской и террористической деятельности.

В чем же состоит главная опасность использования цифровых платформ в целях негативного информационно-пропагандистского и психологического влияния внешних контрагентов на современных детей и молодежь?

1. Социальные сети, мессенджеры и коллективные платформы позволяют обходить не только вторичных, но и первичных агентов социализации, выводя вербовщиков, акторов психологических операций и информационных войн на непосредственный контакт с молодежной аудиторией в сети.

2. В доцифровую эпоху на процессы радикализации и вовлечения молодежи в экстремистские, деструктивные социальные общности и группы уходило относительно большие отрезки времени, месяцы и года. В цифровом мире процессы вовлечения и вербовки значительно ускорились и могут составлять более короткие промежутки времени, месяцы, дни и даже часы. К примеру, короткий, яркий, образно и эмоционально насыщенный видеоконтент может оказывать куда более быстрое воздействие на индивида, чем чтение экстремистской литературы и знакомство с носителем подобных воззрений.

3. Процессы радикализации и вовлечения молодежи в экстремистские, деструктивные социальные общности и группы не протекают исключительно в идеологических «информационных пузырях» и «эхо-камерах» со своими особыми рамками и границами, лексикой и образами. Деструктивный и экстремистский контент проникает в речь, визуальные

образы, юмор и поведенческие особенности репрезентации и самопрезентации в молодежной культуре.

Основной акцент при вовлечении молодежи в экстремистские и деструктивные сообщества делается на зрелищно-эмоциональную составляющую, а оказанное влияние подкрепляется разнообразным «вирусным» контентом. Вовлекаемый индивид совершает социальный переход из одного статуса в другой, цель вербовщиков – вырвать его из-под влияния прежних малых групп и агентов социализации, сменить ценностно-нормативную среду и мировоззрение, изменить идентичность. Как в ситуации любого социоструктурного перехода из одного статуса в другой, его успешность зависит от способности индивида десоциализироваться в прежней групповой среде и ресоциализироваться в новой. Индивид получает новую интропупу и свой личный статус в ней, мировоззрение и идентичность.

Для успешности вовлечения ломается прежняя социально-групповая среда, индивид уводится из-под влияния малых групп, сетевых сообществ и значимых агентов социализации, чей авторитет подвергается сомнению и критике (точнее, рефлексия их авторитета сначала переводится в сомнение, потом в критику, далее критика углубляется, пока не достигнет стадии отказа от лояльности и разрыва с авторитетом). К. Манхейм называл данный механизм «дезорганизационной стратегией нацизма»: «Гитлер инстинктивно чувствует, что пока люди находятся под защитой своей социальной группы, они невосприимчивы к его влиянию. Поэтому скрытый механизм гитлеровской стратегии состоит в том, чтобы сломить сопротивление индивидуального сознания путем дезорганизации групп, к которым эти индивиды принадлежат. Он знает, что человек без групповых связей подобен крабу без панциря» [14, с. 499].

В качестве метафоры и примера описания основного механизма данного социального перехода и вовлечения молодого человека в экстремистские и деструктивные сообщества, воспользуемся аналогией из религиозных практик прозелитизма и мессианской деятельности:

1. Прозелит (обращаемый). Привлечение внимания индивида, установление и поддержание контакта, подкрепление возникшего интереса разнообразным контентом и одобрением его оценок и действий со стороны членов сообщества. Презентация сообщества для индивида в качестве его возможной, желанной и необходимой референтной группы.

2. Неофит (новообращенный). Вовлечение в сообщество, втягивание во внутригрупповую ценностно-нормативную среду. Новое сетевое виртуальное сообщество должно выстраивать взаимодействие с индивидом подобно реальной офлайн интропупе. На этой стадии начинает постепенно меняться идентичность индивида. Втягивание в сетевое сообщество подобно вовлечению в структуру малой группы офлайн, и определение личного статуса внутри нее (как правило, для неофитов в процессе вербовки —

это всегда роль полноправного члена группы, поскольку для молодежи и, в особенности, для подростков, проблема нахождения своей малой группы и места в ней является важнейшей возрастной задачей и проблемой социализации, на реализацию которой они быстро «покупаются»).

3. Адепт (обращенный). Индивид рассматривается как член ингруппы, вовлекается в ее практическую деятельность сообразно своему личному статусу и роли в ней. На этой стадии социальный переход завершается, индивид ресоциализируется в новом сообществе.

Заключение.

Проблематика угроз и рисков влияния цифровых платформ на молодежь актуализирует разработку рекомендаций и практических мер по профилактике их негативного влияния.

В результате обобщения подобных рекомендаций, мы получили срез тех мер, которые рекомендуют отечественные и зарубежные исследователи.

1. Образовательные меры, в основе своей, сводятся к развитию цифровой грамотности/медиаграмотности, формированию и развитию критического мышления. Цифровая грамотность и медиаграмотность утверждаются в качестве обязательного компонента обучения в школах и вузах. Помимо этого, поднимается вопрос о развитии специфического вида грамотности, связанного с когнитивными способностями понимания алгоритмов работы цифровых платформ, искусственного интеллекта и рекомендательных систем – «алгоритмической грамотности» (данное понятие использовалось и в доцифровую эпоху, но пока в науке не появилось какого-то нового, уточняющего нюанс алгоритмики рекомендательных систем и искусственного интеллекта термина, поэтому большинство исследователей используют устоявшийся). Следующий важный момент – это формирование культуры «цифровой гигиены», «цифровой диеты» или «цифрового детокса», практик сознательного регулирования использования гаджетов и воздержания от чрезмерной погруженности в киберсреду.

2. Меры психологической поддержки предполагают ряд основных направлений:

1) выявление представителей наиболее уязвимых групп и отдельных индивидов с признаками тревожности и изоляции, потребителей радикального контента и т.д.;

2) укрепление психологической устойчивости молодежи, развитие саморефлексивности поведения,

навыков саморегуляции и решения личностных проблем;

3) необходимость анонимной психологической поддержки как в традиционных формах (горячие линии, центры и кабинеты консультирования), так в современных цифровых формах (чат-боты, онлайн-консультации и т.д.).

3. Работа с институциональными агентами:

1) повышение цифровой компетентности родителей;

2) обучение учителей и преподавателей, как распознаванию ранних признаков цифровых поведенческих девиаций, так и цифровой компетентности, и алгоритмической грамотности, в частности;

3) создание и продвижение молодежных сообществ и таргетированных под данную категорию специализированных цифровых платформ, где бы осуществлялась селекция вредоносного и коммерческого контента, обеспечены возможности для позитивной коммуникации, творчества и самореализации.

4. Нормативно-регуляторные меры предполагают повышение ответственности самих цифровых платформ перед своими пользователями молодого возраста:

1) прозрачность алгоритмов и акцентированная модерация, платформы должны быть активнее в селекции вредоносного для молодежи контента;

2) совершенствование правовых механизмов по защите персональных данных детей, подростков и, в целом, молодых пользователей;

3) постоянная адаптация законодательства к инновационным цифровым технологиям, использованию AI, дипфейкам, геймификации, появлению новых по функциональным возможностям цифровых платформ;

4) активизация мер государственно-частного партнерства и сотрудничества властей, IT-компаний и общества в молодежном сегменте киберпространства.

Эффективная борьба с угрозами и рисками влияния цифровых платформ на современную российскую молодежь, с научной точки зрения, требует комплексного подхода, междисциплинарного – по своей методологической сути и многоуровневого – по практической организации информационной селекции, профилактики и противодействия.

Полагаем необходимым объединение усилий первичных и институциональных агентов социализации – семьи, школы, специалистов по работе с молодежью, IT-индустрии и представителей самих цифровых платформ.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Зубова Я. В., Липчанская И. В. Социализация молодежи в условиях виртуальной коммуникации: преимущества и риски // *Гуманитарий Юга России*. 2026. №2. С. 105-114. DOI: 10.18522/2227-8656.2026.2.8 EDN: IFJJVE
2. Lu S, Hong Y, Huang Y. Study on the influence mechanism of internet risks on the development risks of Chinese adolescents: the mediating role of digital dependence and the moderating role of digital skills. *Front Psychol*. 2025 Nov 25; 16:1699803. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1699803
3. Гилязов Р.Ш., Мадьякина Н.Ю. Цифровая среда как фактор политической социализации молодежи: тенденции и вызовы // *Litera*. 2026. № 1. С. 66-76. DOI: 10.25136/2409-8698.2026.1.77693 EDN: LIPDOA
4. Ahmmad M., Shahzad K., Iqbal A., Latif M. Trap of Social Media Algorithms: A Systematic Review of Research on Filter Bubbles, Echo Chambers, and Their Impact on Youth // *Societies*. 2025. 15. pp. 1-17. DOI: 10.3390/soc15110301 EDN: PUEGHY
5. Regehr K., Shaughnessy C., Zhao M., Cambazoglu I., Turner A., Shaughnessy N.T. Normalizing toxicity: the role of recommender algorithms for young people's mental health and social wellbeing // *Frontiers in Psychology*. 2025. Vol. 16. pp. 1-14. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1523649 EDN: RRSTCG
6. Hilbert M., Cingel D., Zhang J., Vigil S. L., Shawcroft J., Xue H., Thakur A., Shafiq Z. #BigTech @Minors: social media algorithms have actionable knowledge about child users and at-risk teens // *Telematics and Informatics*. 2025. Vol. 103. pp. 23-41. DOI: 10.1016/j.tele.2025.102341 EDN: POSHCU
7. WHO Europe. One in six school-aged children experiences cyberbullying. 2024. URL: <https://www.who.int/europe/news/item/27-03-2024-one-in-six-school-aged-children-experiences-cyberbullying-finds-new-who-europe-study>.
8. 57 % россиян сталкивались с кибербуллингом. Почему это проблема? // *РБК Life*. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/654dfdeb9a79472d91e62168> (дата обращения: 17.04.2026).
9. Лукашкова И.Л., Сулимова М.Н. Кибербуллинг в подростковой среде: актуальное состояние проблемы // *Ученые записки университета им П. Ф. Лесгафта* 2020. № 6 (184) С 451-457. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2020.6.p451-457 EDN: NOHBZF
10. Усык Д. А. Взаимосвязь между использованием социальных сетей и влиянием на психическое здоровье подростков // *Вестник Государственного университета просвещения. Серия: Психологические науки*, № 3, 2025, С. 41-54. DOI: 10.18384/3033-6414-2025-3-41-54 EDN: OOXDCP
11. Suh K.-H., Chung S.-J., Jeong G.-Ch., Lee K., Ryu J.-H. Understanding Adolescent Social Media Use: A Narrative Review of Motivations, Risk Factors, and Mental Health Implications // *International Journal of Mental Health Promotion*, Volume 27, Issue 12, 2025, pp. 1829-1845. DOI: 10.32604/ijmhp.2025.071879 EDN: XMSOPW
12. Thrul J., Saquib J., Al-Zabidi F. et al. Prevalence of Social Media Disorder and Internet Gaming Disorder Among High School Students in Saudi Arabia // *Computers in Human Behavior Reports*. Volume 21, 2026. DOI: 10.1016/j.chbr.2026.100960
13. Global Terrorism Index 2025. URL: <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2025/03/Global-Terrorism-Index-2025.pdf>.
14. Манхейм К. Диагноз нашего времени. - М.: Юрист, 1994. 700 с.

References:

1. Zubova Ya. V., Lipchanskaya I. V. Socialization of youth in conditions of virtual communication: advantages and risks // *Humanities of the South of Russia*. 2026. No. 2. pp. 105-114. DOI: 10.18522/2227-8656.2026.2.8 EDN: IFJJVE
2. Lu S, Hong Y, Huang Y. Study on the influence mechanism of internet risks on the development risks of Chinese adolescents: the mediating role of digital dependence and the moderating role of digital skills. *Front Psychol*. 2025 Nov 25; 16:1699803. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1699803
3. Gilyazov R.Sh., Madyakina N.Yu. The digital environment as a factor of political socialization of youth: trends and challenges // *Litera*. 2026. No. 1. pp. 66-76. DOI: 10.25136/2409-8698.2026.1.77693 EDN: LIPDOA
4. Ahmmad M., Shahzad K., Iqbal A., Latif M. Trap of Social Media Algorithms: A Systematic Review of Research on Filter Bubbles, Echo Chambers, and Their Impact on Youth // *Societies*. 2025.15. pp. 1-17. DOI: 10.3390/soc15110301 EDN: PUEGHY
5. Regehr K., Shaughnessy C., Zhao M., Cambazoglu I., Turner A., Shaughnessy N.T. Normalizing toxicity: the role of recommender algorithms for young people's mental health and social wellbeing // *Frontiers in Psychology*. 2025. Vol. 16. pp. 1-14. DOI: 10.3389/fpsyg.2025.1523649 EDN: RRSTCG
6. Hilbert M., Cingel D., Zhang J., Vigil S. L., Shawcroft J., Xue H., Thakur A., Shafiq Z. #BigTech @Minors: social media algorithms have actionable knowledge about child users and at-risk teens // *Telematics and Informatics*. 2025. Vol. 103. pp. 23-41. DOI: 10.1016/j.tele.2025.102341 EDN: POSHCU
7. WHO Europe. One in six school-aged children experiences cyberbullying. 2024. URL: <https://www.who.int/europe/news/item/27-03-2024-one-in-six-school-aged-children-experiences-cyberbullying-finds-new-who-europe-study>.
8. 57% of Russians have experienced cyberbullying. Why is this a problem? // *RBC Life*. URL: <https://www.rbc.ru/life/news/654dfdeb9a79472d91e62168> (accessed: 04/17/2026).
9. Lukashkova And L., Sulimova M.N. Cyberbullying in the adolescent environment: the current state of the problem // *Scientific Notes of the P. F. Lesgaft University* 2020. № 6 (184) From 451-457. DOI: 10.34835/issn.2308-1961.2020.6.p451-457 EDN: NOHBZF
10. Usyk D., A. The relationship between the use of social networks and the impact on the mental health of adolescents // *Bulletin of the State University of Education. Series: Psychological Sciences*, No. 3, 2025, pp. 41-54. DOI: 10.18384/3033-6414-2025-3-41-54 EDN: OOXDCP
11. Suh K.-H., Chung S.-J., Jeong G.-Ch., Lee K., Ryu J.-H. Understanding Adolescent Social Media Use: A Narrative Review of Motivations, Risk Factors, and Mental Health Implications // *International Journal of Mental Health Promotion*, Volume 27, Issue 12, 2025, pp. 1829-1845. DOI: 10.32604/ijmhp.2025.071879 EDN: XMSOPW
12. Thrul J., Saquib J., Al-Zabidi F. et al. Prevalence of Social Media Disorder and Internet Gaming Disorder Among High School Students in Saudi Arabia // *Computers in Human Behavior Reports*. Volume 21, 2026. DOI: 10.1016/j.chbr.2026.100960

13. *Global Terrorism Index 2025*. URL: <https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2025/03/Global-Terrorism-Index-2025.pdf>.

14. *Manheim, K. The diagnosis of our time*. Moscow: Lawyer, 1994. 700 p.

Информация об авторах:

Лушников Дмитрий Александрович, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии и социальных инноваций, Северо-Кавказский федеральный университет, keremet2000@mail.ru, ORCID: 0000-0003-0352-4662,

Долгополов Кирилл Андреевич, доктор социологических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и процесса, Северо-Кавказский федеральный университет, ORCID: 0000-0003-4496-1789

Кузнецова Оксана Николаевна, доцент кафедры государственного, муниципального управления и экономики труда, Северо-Кавказский федеральный университет, okuznetcova@ncfu.ru, ORCID: 0009-0007-6949-8491

Dmitry A. Lushnikov, Doctor of Sociology, Professor, Head of the Department of Sociology and Social Innovation, North Caucasus Federal University.

Kirill A. Dolgoplov, Doctor of Sociology, Associate Professor, Head of the Department of Criminal Law and Procedure, North Caucasus Federal University.

Oksana N. Kuznetsova, Associate Professor of the Department of State, Municipal Management and Labor Economics, North Caucasus Federal University.

Вклад авторов:

все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Contribution of the authors:

All authors contributed equally to this article.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 19.06.2026;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.07.2026;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.07.2026.

Авторами окончательный вариант рукописи одобрен.